

нева, Б.Н. Ельцина. Студенты технических специальностей чаще других упоминали значимость В.В. Путина, Д.А. Медведева, Ивана Грозного.

Подводя итог, отметим, что среди студенческой молодежи преобладают сторонники авторитарного политического режима и консервативной политической идеологии. Однако на личностном уровне подавляющее большинство студентов ориентируются на других «героев»: две трети считают своими авторитетами и наставниками членов семьи.

Представление о мировоззрении, нравственных ценностях и культурных предпочтениях современной студенческой молодежи дает анализ ответов на вопрос о любимых литературных героях, героях фильмов и массовой культуры. Заметим: треть респондентов не имеют таких героев. Наиболее упоминаемыми оказались герои книг отечественной классической литературы (герои «Войны и мира», «Евгения Онегина», Печорин, Обломов, Т. Бульба, Раскольников, герои романа «Мастер и Маргарита» и др.); зарубежной литературы (герои Ремарка, Дж. Эйр, М. Иден, Маленький Принц, Ш. Холмс, Дон Кихот и др.). Несколько уступают по частоте упоминаний герои фильмов в стиле фэнтези, а в совокупности герои фильмов и компьютерных игр равнозначны по частоте упоминаний героям книг. Актеры, выделенные в отдельную группу как представители массовой культуры, также пользуются популярностью среди студентов, причем преимущественно это зарубежные актеры. Далее по значимости – музыканты, певцы, музыкальные группы («25/17», «ГРОТ», Rammstein, Боб Марли, Л. Агутин, Валькирия, В. Цой, Руставели, Ю. Шевчук и др.).

Наиболее читающими, судя по ответам, оказались студенты технических специальностей, а наименее читающими – гуманитарии. Первые также заметно активнее в потреблении различной музыки, больше интересуются спортом. В целом референтными группами для студенческой молодежи наряду с героями отечественной и западной классической литературы являются герои фильмов в стиле фэнтези и персонажи компьютерных игр. Чем обусловлен этот уход от реальности, и к каким последствиям он может привести?

Отчасти этот феномен объясняют следующие обстоятельства: более половины студентов оказывались в ситуациях, когда они испытывали чувства стыда за свою страну (54,3% самарских и 58% саратовских респондентов). Конкретизируя эти ситуации, студенты отмечали, что им бывает стыдно за правительство и власть, а именно: за «нищету населения», «низкие пенсии и высокие цены», «коррупцию», «платное образование», «деградацию образования, медицины», «нечестные выборы», «неуважение своего народа», «правление Ельцина», «октябрь 1993 г., когда расстреливали Белый дом», «когда видишь, как живут пенсионеры и социально незащищенные категории граждан», «потеряли все признаки великой державы» и так далее (более половины ответов). Вторая

группа ответов касалась поведения самих россиян. Студенты отмечали «агрессию», «наглость», «безнравственность», «пьющих за границей» соотечественников.

Таким образом, большинство участвующих в опросе студентов разделяют понятия «Родина» и «государство»: их патриотизм обращен к Родине, а за государство им бывает стыдно. Данная ситуация фиксировалась и ранее [4, с. 58]. Государство воспринимается как политический институт, наделенный функциями управления, социальной поддержки, защиты территориальной целостности. Претензии представители студенческой молодежи предъявляют к политическому институту, а Родину искренне любят.

Библиографический список

1. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под ред. В.А. Тишкова, Р.Э. Бараш, В.В. Степанова. М., 2014.
2. Молодежь в полиэтничных субъектах Приволжского федерального округа: экспертный доклад / Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем / под ред. В.А. Тишкова. М.; Оренбург; Ижевск, 2013.
3. Пути формирования российской нации. Гражданственность и патриотизм / под ред. Н.С. Мухаметшиной. Самара, 2012.

В.С. Изотов

Постмодернизм **И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СООТНОШЕНИЯ**

Постмодернизм часто определяют как расплывчатое собирательное выражение для идеологии, вдохновляющей образы мысли или стиля в культуре, искусстве и политике. В гносеологическом плане он осмысливается как движение, противостоящее модерну и неизбежно сменяющее его. Постмодернизм воспринимается как критика любых обещаний (прогресса, эволюции, осуществимости чего-либо), характерных для модерна [1, с. 451]. К. Харт, один из ведущих современных специалистов по постмодернизму, автор одноименного бестселлера, напоминает, что прилагательное «постмодернистский» можно обнаружить еще в далеких 70-х годах XIX в., когда оно применялось для характеристики произведений искусства, следовавших за импрессионизмом [2, с. 80]. Но настоящую популярность в своем современном значении постмодернизм приобрел в 1950–1960-е годы в Америке и Западной Европе. Академические круги и интеллектуальная сфера за-

интересовались философскими, социокультурными и историческими интерпретациями постмодернизма в 1980-х годах [3; 4].

При этом не все были согласны с его конфронтационными, по отношению к модерну, определениями. Д. Белл еще в конце 1970-х годов писал о том, что постмодернизм следует рассматривать как продукт культурной революции 1960-х годов и одновременно как продолжение основной линии модернизма, которое характеризовалось особой «культурной чувствительностью», состоящей в отказе признавать ограничения и одновременной жажде непрерывных перемен [5, р. 46–54; 6].

Постмодернизм устраняет упорядоченное понимание и структурированную реальность, противопоставляя ему открытость, многообразие и постоянный поиск нового. Критики обращают внимание на его имманентно-смысловую вседозволенность, иногда вульгарно понимаемую как бесконечное движение по комфортной (консьюмеризм – также характерная черта постмодерна) трассе под знаком «конец всех ограничений» в поисках новых пейзажей за окном. Показное отстранение и равнодушие носителей постмодерна при этом расшифровывается как отсутствие заинтересованности и игнорирования участия в политической жизни. Считается также, что основаниями для типа политического поведения, характерного для носителей постмодернизма, выступают скепсис и цинизм. Они как бы устраняются из поля воспроизводства «большого» политического дискурса в пользу «малого». При этом преобладает личный интерес к таким частным вопросам, как неправительственный сектор, экология, здравоохранение. Люди все больше вовлекаются в повседневность, остающуюся без должного внимания со стороны «большой политики», сконцентрированной на самой себе в условиях кризиса представительной демократии. Отсюда принципиальное безразличие к коллективному участию, массовой вовлеченности в «общие» проекты, ведущие к «великим» целям.

В область мировой политики и международных отношений постмодернизм переходит в 1990-е годы, пытаясь описать через собственные принципы и понятийный аппарат, начавшиеся глобальные геополитические трансформации. Теоретические наработки, особенно в области исторических ретроспекций и прогнозирования, наряду с известной общностью подходов сблизили его с группой теорий «нелинейного развития» в международных отношениях.

Одно из наиболее удачных обозначений сути постмодернизма, как принципиального недоверия к метанарративам, дано французским философом Ж. Лиотаром (1924–1988). Под метанарративами понимаются «великие» идеологии, парадигмы и стратегии, высказанные или написанные на универсальном метафизическом языке. Кроме того, одной из важнейших программных характеристик постмодернизма стало отрицание телеологии истории как предначертанному движению к некоему определенному пункту назначения. Как верно отмечает Б.Г. Ка-

пустин, такая позиция подрывает метафизико-исторические основания не только теорий модернизации, но и всех социальных наук, включая компаративную политологию, для которых, по словам Ф. Фукуямы, «теория модернизации является парадигмой, направляющей их исследования» [7; 8].

Постмодернизм критикует не только идеологию просвещения, но и всю одноименную эпоху в истории человечества, претендовавшую на объяснение действительности на основе целенаправленного прогресса, разумности, объективности и универсальности.

К. Харт акцентирует внимание на том, что быть человеком эпохи постмодерна – значит сомневаться в справедливости утверждений о способности достичь просвещенности или мира за счет благоразумия, стать счастливыми или процветающими, достичь всех самых высоких целей, стоит только научиться ждать и работать, работать и ждать [2, с. 12].

Применительно к внешнеполитическому сознанию приведенная ремарка К. Харта порождает как минимум три важнейшие характеристики современного восприятия сферы мировой политики.

Во-первых, отсутствие образа привлекательного будущего. Сам «образ будущего» является важной составляющей теории международных отношений, особенно концепций «мягкой» и «умной» силы. Отметим, что эти теории созданы в принципиально новой международной среде, качества которой определяются стремительным развитием информационных технологий, интенсификацией публичной дипломатии, гуманитарного обмена, распространением единых культурных стандартов и, что немаловажно, повышенной потребностью в политико-идеологической самоидентификации, невозможной без «привлекательного горизонта».

Во-вторых, укрепление системы конструирования частного пространства на фоне хаотизации мировой политики. Показательна растущая популярность «нелинейных парадигм», пытающихся представить внешнеполитическую современность через категории турбулентности. При этом провозглашается наступление «постмеждународной политики», предложенной в качестве «описания настоящего» известным ученым Дж. Розенау (1924–2011). Такая трансплантация постмодерна на теорию международных отношений приобрела широкую популярность в последние десятилетия.

В-третьих, устранение позитивных идеологем из внешнеполитического дискурса. Оптимизм наших современников – людей, не только «постмодернистских», но и «избирающих», все более сосредотачивается в области внутренней политики. Восприятие внешнего мира сводится к простейшим тезисам: за пределами границ – терроризм и войны; непонятные перегруппировки полюсов влияния; трансатлантические и транстихоокеанские торговые сделки «в пользу крупного капитала», априори направленные против интересов страны X; дефицит союзников и преобладание фактора силы в международных отно-

шениях. Политикам, умело сводящим эти темы до уровня пропагандистских идеологем, сегодня обеспечен электоральный успех. Власть, предлагая людям идейные основы для консолидации, целенаправленно усиливает в них формируемую постмодерном предрасположенность к дисперсному и фрагментарному восприятию внешнеполитической действительности. Это своего рода феномен отторжения масс от объективной международной политики, а не усиленный интерес к ней, как может показаться на первый взгляд. Как реакция на риски международной среды, во внешней политике абсолютного большинства стран возрастает степень непубличности и кулуарности, что позволяет представлять происходящее за границами государств под заказ правящих режимов. Особенно характерна такая ситуация для декоративных демократий, характеризующихся плохим управлением (*bad governance*) и зависимой медиасистемой, обслуживающей власть.

Формирование дискретного геополитического сознания, оформленного в логику постмодерна, является продолжением процесса хаотизации мировой политики, начавшегося в начале 1990-х годов. Одним из последствий этого стало закрепление ощущения «вечной угрозы» извне, которую можно причислить к характеристикам сознания наших современников. В.В. Петухов констатирует: «В массовом сознании россиян произошло реструктурирование сформировавшейся “матрицы угроз”, которая определяет эмоциональную тональность восприятия населением международного положения и внешней политики. Причем, если основные внешнеполитические ориентиры и приоритеты россиян остаются в целом стабильными на протяжении последнего десятилетия, то конкретные угрозы и опасения носят более подвижный характер, меняются в зависимости от ситуации в мире, а главное – от того, как они подаются электронными СМИ» [9].

Выдающийся российский философ А.С. Панарин писал о новом «геополитическом» типе сознания, начавшем складываться в период после распада Советского Союза, когда «обвал постсоветского пространства был настолько масштабным, что разрушил модель социально-политического развития одного из крупнейших регионов планеты. В этих условиях начал формироваться новый тип общественного сознания, который определялся как «геополитический» в условиях «состояния войны всех против всех, где никому не гарантировано жизненное пространство» [10]. Эта (имманентно постмодернистская) установка одержала победу над противостоящим ей цивилизационным типом сознания, верящим в успех «устойчивого развития» и мыслящим мир как единое целое с четким телеологическим вектором.

Но даже эти важнейшие изменения, точно зафиксированные А.С. Панариным четверть века назад, уходят в прошлое. Сегодня геополитика и производный от нее тип сознания уступают свои позиции новым парадигмам, претендующим на более адекватное описание усложняющейся реальности. Од-

ним из популярных исследовательских направлений становится хронополитика, изучающая стремительно убегающее «политическое время». Французский философ П. Вирилио, не без основания причисляемый к ведущим мыслителям постмодернистского направления, обращает внимание на возрастание скорости большинства измерений человеческого бытия. В своих работах он развивает понятие дромологии (греч. *Δρόμος*, – буквально «бег», «путь») как ключевую характеристику «общества скорости», представляя его в качестве новой реальности. Понятие оседлости, локации, места, фиксации в пространстве обесценивается, в то время как значение скорости и движения и ускорения постоянно растет. П. Вирилио отмечает: «Географические пространства и расстояния, которые еще вчера обуславливали политику отдельных наций и их коалиций, и чье значение ярко продемонстрировала холодная война в эпоху противостояния блоков Восток / Запад, исчезают и обесцениваются в мире ускорения и мгновенных интеракций...» [11, с. 14].

Что касается классической геополитики образца прошлого века, то смертельный удар по ней нанесен также из Франции. Культовые постмодернисты Ж. Делез и Ф. Гаттари фактически отобрали у нее права на ключевую категорию – территорию, добавив префикс «де-» в название своей концепции детерриториализации. П.А. Цыганков уточняет, что под детерриториализацией понимается снятие в пространственных средах оппозиций внешнего и внутреннего, центра и периферии, глубины и поверхности. Применительно к мировой политике «детерриториализация» означает способность акторов, процессов и потоков к преодолению реалистской логики суверенитета, четких границ, устойчивой идентичности и унифицированности. Агентами детерриториализации можно назвать беженцев, мигрантов, неправительственные организации и движения, различные транснациональные потоки и феномены. Причем они «не просто преодолевают территориальные границы государства, а ставят под сомнение саму территориальную организацию современной политической жизни» [12, с. 116–117].

Наряду с этим примем во внимание, что теория международных отношений констатирует трансформацию мировой системы в «некую сетевую структуру» с нарастающей разнотипностью элементов и увеличением числа внесистемных игроков, от государств-изгоев до неправительственных организаций и рейтинговых агентств. При этом целеполагание такой системы, ее структура и отношения между элементами, в том числе правительственными и неправительственными субъектами, продолжает оставаться загадкой. Часто в попытках прогноза и описания действительности фигурируют достаточно условные концепты: «переходного периода» и «кризисного состояния» [13, с. 3–18], являющиеся типичными постмодернистскими категориями!

Таким образом, постмодернистскими характе-

ристиками мировой политики являются замещение геополитики хронополитикой, а структурированного и упорядоченного мира – хаотизацией. Эти изменения соответственно закрепляются и во внешнеполитическом сознании. Отметим также, что нарастание относительности и неопределенности описывается сегодня в теории международных отношений через концепцию «турбулентности», составными частями которой являются понятия «кризис», «риск», «хаос», «угроза» [14–16].

В постмодернизме неизбежное нарастание относительности и неопределенности служит основанием для отказа от амбиций всемирной просвещенческой идеологии и концентрации на малых (партикулярных) нарративах. Вместе с тем, заимствовав принципы логического неопозитивизма, постмодернизм отрицает существование объективной внешнеполитической реальности, доступной для понимания.

Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий соотношение установок постмодернизма с мировой политической современностью. Разберем слова Ж-Ф. Лиотара о том, что *постмодернизм призывает сосредотачиваться на гибких сетях языковых игр, которые воплощают субъективные интерпретации мира индивидами*. Перевод сказанного на язык теории современных международных отношений позволяет высказать следующие соображения.

Во-первых, напрашивается очевидный вопрос: что такое современная дипломатия, если не гибкие сетевые языковые игры? Во внешнеполитической практике активно закрепляются стратегии сетевой дипломатия, являющейся ответом на меняющуюся реальность с ее «сдвигами» и «рассеиванием» глобальных сил и соответствующей вариативностью международной структуры. Достаточно привести цитату министра иностранных дел России С. Лаврова: «Требованиям времени все больше отвечают не громоздкие союзы с фиксированными обязательствами, а целевые альянсы по интересам с изменяющейся геометрией. Как никогда востребована “сетевая дипломатия”», обеспечивающая гибкие формы участия в многосторонних структурах» [17].

Во-вторых, не являются ли большинство современных глобальных противостояний (Россия – Запад, США, США – Китай, трафаретный хантингтоновский конфликт цивилизаций) следствием субъективных интерпретаций международной среды государствами, союзами, альянсами, интеграционными объединениями? Ответ на этот вопрос, вероятно, должен быть положительным.

В целом популярные сегодня теории международных отношений, не ассоциируя себя прямо с постмодернизмом, отдают ему должное, разбирая на археологические артефакты рационалистический фундамент прежних систем: вестфальской, версальско-вашингтонской, ялтинско-потсдамской, постсоветской. Основными аргументами «разрушителей» при этом служит децентрализация – и шире – деконструкция мировой политической структуры и эрозия государственного суверенитета.

Постмодернизм пришел не только в теорию международных отношений, но и в ее основную практическую область – дипломатию – из своих родных социокультурных и философских областей, привнеся яркие признаки, например, «ситуативные альянсы» и «изменяющуюся геометрию» отношений, интересов, целей. Сомнению подвергаются не только установки реализма, но и социального конструктивизма с его повышенным вниманием к несилевым составляющим международных отношений и мировой политики – идеям, образам, символам, нормам, ценностям, правилам.

Благоприятствует ли современная ситуация закреплению постмодерна на международных отношениях и дальнейшему распространению соответствующего внешнеполитического сознания? США как слабеющий лидер постбиполярной эпохи сегодня уже не в состоянии придавать цели и смыслы (как политические, так и экономические) всему миру, конструировать его как «большой геополитический нарратив». Это лишний раз подтверждает конец эпохи геополитического модерна. Европейский союз оказался заложником собственной структурной слабости, что существенно сдерживает его традиционное оружие – «мягкую силу». Другие центры мировой политики, в том числе страны БРИКС, как по отдельности, так и вместе взятые, содержат в своей структуре элементы значительного риска. Вопрос в том, ждет ли мир новое раздробление, описываемое в терминах геополитического постмодерна, или есть более оптимистические альтернативы?

Идеологическая борьба с «внешнеполитическим постмодерном» и производным типом сознания не имеет большого смысла и обречена на неудачу в среднесрочной перспективе. Наивно подвергать его ostracismu и тем более удалять с игрового академического поля с красной карточкой. Его трансформация должна идти естественным путем, через принципиальные изменения в мировой политике, связанные с движением к обновленной, более упорядоченной структуре международных отношений. Этому могут способствовать региональные интеграционные процессы, необходимость в которых особенно усилилась после мирового экономического кризиса 2008–2009-х годов. Интеграция любого типа, от зон свободной торговли до консолидированных конфедераций, способна выстраивать устойчивые наднациональные общества, повышая объективную заинтересованность в стабильности и возвращая гражданам веру в долгосрочные проекты любого рода. В противном случае мировая политическая структура будет подобна рассыпавшейся мозаике, ни одна из частей которой не будет готова занять свое место в цельной картине. Когда исчезает интенция упорядоченности, образ целого перестанет воодушевлять.

Второй удар по постмодерну может нанести возможный успех плюралистических режимов глобального управления, подкрепленных универсальной демократической легитимностью. Однако перспективы такого «мирополитического метанарратива» на ближайшее столетие не просматриваются. Тем не менее

постмодернистские антителы могут быть выработаны в естественных условиях, под влиянием объективного процесса глобализации: прежде всего через осознание общепланетарных проблем, решение которых невозможно без взаимозависимости, консолидации, веры в прогресс и положительное будущее, именно тех антитез постмодерна, которые выводят внешнеполитическое сознание из зоны его влияния.

Библиографический список

1. Политлексикон. М., 2013.
2. Харп Кевин. Постмодернизм. М., 2006.
3. Lyotard J. The Postmodern Condition. Manchester, 1984.
4. Jameson F. Postmodernism and Consumer Society // The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture. Seattle, 1983.
5. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.
6. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М., 2013.
7. Канустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998.
8. Fukuyama F. The Modernizing Imperative // The National Interest. 1993. № 3.
9. Петухов В.В. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования. 2010. № 11.
10. Панарин А.С. К реконструкции Второго мира. М., 1995.
11. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002.
12. Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015.
13. Костин А.И., Изотов В.С. Последствия мирового кризиса: Политологический анализ взаимозависимых рисков // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. М., 2012. № 4.
14. Rosenau James N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity Princeton. Princeton, 1990.
15. Чихарев И.А. Мировая политическая динамика: концептуальные основания и движущие силы // Политическая наука. 2012. № 4.
16. Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? // Российское общество социологов. 2011. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508
17. Лавров С.В. «Сетевая дипломатия» сейчас востребована как никогда // Известия. 2006. 28 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/320459>

А.И. Демидов

МЕРА СПРАВЕДЛИВОСТИ: **КАК ЦЕННОСТЬ** **СДЕЛАТЬ НОРМОЙ**

Продуктивное взаимодействие гражданского общества и государства задается таким социальным качеством, как солидарность, выражающая-

ся в возможности обеспечения единства интересов, мотивов, действий различных людей. Она служит важнейшей субъективной предпосылкой долговременного существования социальной общности, способности решения ею насущных проблем, порождает чувство взаимопонимания и общего интереса взаимодействующих социальных групп.

Внутренним мотивом движения в сторону солидарности служит стремление к справедливости. Справедливость – социальная ипостась философской категории меры, выражающая движение к обеспечению оптимального сочетания противоречивых, но нуждающихся один в другом признаков (общего и частного, заинтересованности и морали, количества и качества). Устойчивое нарушение этой меры, то есть отрицание справедливости, делает социальную систему нестабильной, вызывает ее кризис.

Поиск справедливости вытекает из стремления обеспечить единство в многообразии. Если сама возможность и необходимость такого поиска отвергается, никакая идея справедливости не может существовать в принципе. Интерес к справедливости – выражение устремленности к обеспечению этого единства, а отсутствие или отвержение такого интереса – путь к рассогласованию и социальной вражде.

Смысловое наполнение термина «справедливость» зависит от эпохи, специфики решаемых обществом задач. Но разнообразие этих смыслов даже в рамках одного общества или мировоззрения может быть весьма значительным. Так, для Сократа справедливость – это законность, для Платона – «каждому свое», у Аристотеля справедливость – середина ущерба и выгоды, равное отношение в суде, у Цицерона – воздаяние по заслугам [1, с. 18–19].

Существует, очевидно, и общее в различных трактовках справедливости:

– справедливость всегда рассматривается как благо, а ее нарушение – зло;

– она служит критерием принятия или отвержения людьми того или иного общественного строя, его легитимности;

– объективной основой всех трактовок справедливости служит мера – оптимальное соотношение между частями любой сложности;

– эта мера действует в любом обществе как соотношение приемлемого и неприемлемого, желательного и нежелательного в отношениях между людьми, что делает справедливость универсальной ценностью, влияющей на интерпретацию всех других ценностей;

– стремление к справедливости и ее нарушение определяют отношение в разных обществах к богатству и бедности, заслугам и воздаяниям, благам и обязанностям, поступкам и ответственности за них;

– поиск справедливости представляет собой движение к нахождению этой меры.

В значительной степени трактовки понятия «справедливость» предопределены пониманием ее основополагающих истоков, а ими могут быть личность или общество.